

УДК 343.8: 341.49

[https://doi.org/10.53993/2078-3914/2022/1\(50\)/178-188](https://doi.org/10.53993/2078-3914/2022/1(50)/178-188)**П. В. Тепляшин****ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ДОКТРИНА ВЕРХОВНОГО СУДА США
И ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА: ПРАВОВАЯ
ПАРАДИГМА И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ КОНТРАСТЫ**

В статье рассмотрены концептуальные идеи, которые положены в основу представлений Верховного Суда США и Европейского Суда по правам человека относительно достижения целей уголовного наказания в процессе его исполнения. Обосновывается, что совокупность этих идей образует пенитенциарную судебную доктрину. При сопоставлении особенностей функционирования соответствующих высших судебных инстанций международной организации и федеративного государства интерпретирована концепция ретрибутивизма и консеквенциалистская теория наказания. Выявлены общие, частные и специальные концептуальные контрасты пенитенциарной судебной доктрины указанных органов судебной власти. Установлено, что американская пенитенциарная доктрина предполагает претерпевание заключенным тягот и лишений в условиях изоляции от общества, т. е. так называемый «пенитенциарный монолог», тогда как европейская — учет достигнутых осужденным лицом позитивных морально-нравственных личностных изменений как необходимого условия для его успешной ресоциализации, т. е. так называемый «пенитенциарный диалог». Сделан вывод, согласно которому рассмотренную пенитенциарную судебную доктрину допустимо учитывать при формировании вектора развития отечественной практики исполнения лишения свободы.

Ключевые слова: «Грэм против Флориды»; Европейские пенитенциарные правила; зарубежный опыт; назначение наказания; пьюнитивность; реинтеграция; тюремное заключение; уголовное правосудие; уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Тепляшин П. В. Пенитенциарная доктрина Верховного Суда США и Европейского Суда по правам человека: правовая парадигма и концептуальные контрасты // Вестник Кузбасского института. 2022. № 1 (50). С. 178–188. [https://doi.org/10.53993/2078-3914/2022/1\(50\)/178-188](https://doi.org/10.53993/2078-3914/2022/1(50)/178-188).

P. V. Teplyashin

THE PENITENTIARY DOCTRINE OF THE U.S. SUPREME COURT AND THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS: LEGAL PARADIGM AND CONCEPTUAL CONTRASTS

The article deals with the conceptual ideas, which are the basis for the submissions of the U.S. Supreme Court and the European Court of Human Rights concerning the achievement of the goals of criminal punishment in the process of its execution. It is argued that the totality of these ideas forms the penitentiary judicial doctrine. By comparing peculiarities of functioning of corresponding supreme judicial instances of international organization and federal state, the concept of retributivism and consequentialist theory of punishment was interpreted. The general, private and special conceptual contrasts of the penitentiary judicial doctrine of the mentioned judicial authorities are revealed. It has been revealed that American penitentiary doctrine assumes that a prisoner undergoes hardships and deprivations in conditions of isolation from society, the so-called “penitentiary monologue”, while European doctrine considers the positive moral and personal changes achieved by a convicted person as a necessary condition for his successful resocialization, the so-called “penitentiary dialogue”. It is concluded that the considered penitentiary judicial doctrine can be taken into account in the formation of the vector of development of domestic practice of execution of imprisonment.

Keywords: “Graham v. Florida”; European Prison Rules; foreign experience; sentencing; punitivity; reintegration; imprisonment; Criminal Justice; Penal Law.

For citation: Teplyashin P. V. The penitentiary doctrine of the U. S. Supreme Court and the European Court of Human Rights: Legal paradigm and conceptual contrasts. *Vestnik Kuzbasskogo instituta [Bulletin of the Kuzbass Institute]*, 2022, no. 1 (50), p. 178–188. [https://doi.org/10.53993/2078-3914/2022/1\(50\)/178-188](https://doi.org/10.53993/2078-3914/2022/1(50)/178-188).

Для пенитенциарной компаративистики значительный исследовательский интерес представляют не столько цели лишения свободы (тюремного заключения) как уголовного наказания, сколько их реализация в процессе исполнения уголовного наказания. Среди специальных исследований отечественных [2; 4] и зарубежных [11; 21] ученых этому вопросу уделяется определенное внимание, но за рамками таких научных изысканий остается роль и представления судебных органов о достижении целей уголовного наказания, связанного с изоляцией осужденного от общества, в процессе его исполнения. Более того, необходимо говорить о наличии определенных концептуальных идей, которые по-

ложены в основу представлений судебных органов относительно достижения целей уголовного наказания в процессе его исполнения. Условно совокупность таких концептуальных идей допустимо именовать пенитенциарной судебной доктриной.

Для российской правоприменительной практики обращение к пенитенциарной судебной доктрине может высветить не только вероятные проблемы, но и перспективы эффективного судебного управления процессом исполнения и отбывания уголовных наказаний, связанных с изоляцией осужденного от общества. Ведь не секрет, что сфера функционирования исправительного учреждения по исполнению уголовного наказа-

ния в значительной степени воспринимается как отдельный (относительно процедуры вынесения приговора) временной, институциональный и исправительно-правовой процесс.

Также необходимо понять действительные представления Европейского Суда по правам человека (далее — ЕСПЧ) о том, какие и как цели лишения свободы (тюремного заключения) должны реализовываться при исполнении уголовного наказания. Так, согласно Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года (далее — Концепция) одной из важнейших задач дальнейшего совершенствования деятельности ФСИН России выступает расширение и укрепление международного сотрудничества, предусматривающее, в частности, создание условий содержания осужденных и лиц, содержащихся под стражей, с учетом решений ЕСПЧ (раздел XXI Концепции).

Как представляется, оптимальным вариантом парадигмального теоретического рассмотрения и конструктивного выявления особенностей пенитенциарной судебной доктрины ЕСПЧ выступает контрастирующий сравнительно-правовой анализ подобной деятельности Верховного Суда Соединенных Штатов Америки (далее — ВС США). Данный подход обусловлен, во первых, устранением пробелов российской науки уголовно-исполнительного права в области зарубежного опыта функционирования судебных органов по достижению целей пенальных наказаний (в частности, это необходимо для понимания целесообразности институционализации пенитенциарных судов), во вторых, способностью такого «нестандартного» компаративистского сопоставления соответствующих особенностей функционирования высших судебных инстанций международной организации и федеративного государства обнаружить корневые, системные и, возможно, перспек-

тивные проявления пенитенциарной судебной доктрины.

Предварительно необходимо отметить, что вынесение обвинительного приговора в значительной степени отражает идеи ретрибутивизма, поскольку назначение не только справедливого, но и адекватного совершенному преступлению наказания выступает важнейшей составляющей уголовного правосудия, тогда как решение исправительно-воспитательных, реабилитационных, восстановительных задач связано с процедурой исполнения наказания. Соответственно, с позиций правовой парадигмы рассматриваемых идей пенитенциарная судебная доктрина приближает уголовное правосудие к фактической реализации идей консеквенциалистской теории наказания, тем самым создавая равную релевантность данных концепций для практики исполнения уголовных наказаний, связанных с изоляцией осужденных от общества. Научное обсуждение проявлений судебной пенитенциарной доктрины крайне интересно анализировать на фоне авторитетного мнения А. В. Шеслера о том, что «превращение наказания в кару — это... общемировая тенденция в эволюции этого института» [5, с. 133]. Ведь рассмотрение данной тенденции в таком разрезе позволяет обнаружить ряд востребованных для пенитенциарной науки направлений развития уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации.

Также нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что рассматриваться особенности пенитенциарной судебной доктрины ЕСПЧ и ВС будут в теоретическом разрезе континентального и прецедентного права. Более того, в последние годы пенологическая компаративистика постепенно переходит к сравнительно-правовому анализу пенитенциарной действительности под углом концепции «карательности (пьюнитивности)» [19] или, иначе, ретрибутивизма [16], в разрезе познания пенитенциарной

культуры [12], «выразительного изображения» транснационального уголовного правосудия [17], что также обуславливает исследовательский интерес к пенитенциарной судебной доктрине.

I. Общие концептуальные контрасты.

Обращаясь к деятельности ВС США заметим, что с начала 70-х гг. XX столетия (что совпадает с началом реализации политики «войны с наркотиками») четко определенный срок назначаемого тюремного заключения пришел на смену широкому административно-судебному усмотрению для применения условно-досрочного освобождения. В унисон данному нововведению произошло возрастание карцеральных начал в тюремной системе государства (например, если в 1970 г. насчитывалось 328 тыс. заключенных (161 человек на 100 тыс. населения), то в 2018 г.у — уже 2 млн 102 тыс. (642 человека на 100 тыс. населения)) (*World Prison Brief. United States of America*. URL: <https://www.prisonstudies.org/country/unit-ed-states-america>). Хотя практическая реализация идеи так называемой неопределенности приговора (как правило, выражается в возможности предоставления досрочного освобождения по отбытии четко не определенного срока назначенного наказания) в американской пенитенциарной системе все еще выше, чем в большинстве пенитенциарных систем других государств (особенно если учитывать реализацию законодательства о «трех ударах»). Однако условно-досрочное освобождение выступает естественным продолжением общего процесса вынесения приговора и исполнения наказания, и согласно прецедентному решению ВС США «Овертон против Баззетты» («*Overton v. Bazzetta*») (решение от 16.06.2003) может быть применимо независимо от того, имеет ли заключенный формальное право на такое освобождение. При этом вынесение приговора, исполнение наказания и

условно-досрочное освобождение тесно взаимосвязаны и объединены единой ретрибутивной целью. Вместе с тем реабилитационные задачи и подготовка заключенного к реинтеграции в общество после освобождения отодвигаются на второй план, что существенно затормаживает практику предоставления условно-досрочного освобождения [20, р. 988–1016].

В свою очередь европейское пенитенциарное право понимает отношения между вынесением приговора и исполнением наказания как непрерывный и динамичный процесс, но цели каждой стадии имеют самостоятельный характер, и между ними сохраняется относительная автономия. Как отмечает Нетанель Даган (Netanel Dagan), «независимо от целей вынесения приговора, реабилитация может и должна играть центральную роль в тюремном режиме... ЕСПЧ концептуализирует динамический характер исполнения лишения свободы, развивает “принцип прогресса” в деле Диксона в отношении того, что правительство не придало достаточного значения праву заключенного на удовлетворение его реабилитационных потребностей» [9, р. 638]. Действительно, в деле ЕСПЧ «Диксон против Соединенного Королевства» («*Dickson v. the United Kingdom*») (жалоба № 44362/04, постановление от 04.12.2007) указано, что «по мере отбывания наказания заключенный должен прогрессивно продвигаться в тюремной системе, начиная свой путь с первых дней в тюрьме, когда главный акцент может делаться на наказании и каре за совершенное преступление, и заканчивая его на более поздних стадиях, когда акцент должен делаться на подготовке к выходу на свободу» (п. 28). В свою очередь в деле ЕСПЧ «Хорошенко против Российской Федерации» («*Khoroshenko v. Russia*») (жалоба № 41418/04, постановление 30.06.2015) (далее — дело Хорошенко) подчеркивается, что «упор на исправление и реин-

теграцию стал обязательным фактором, который должен приниматься во внимание государствами-участниками при разработке своей уголовно-правовой политики».

II. Частные концептуальные контрасты.

Американское пенитенциарное законодательство достаточно четко закрепляет, что тюремная администрация имеет право оказывать на заключенного воздействие и применять меры дисциплинарного взыскания, используя средства ужесточения режима, соблюдая при этом конституционный запрет на жестокое и необычное обращение [20, p. 993–1011]. Ведь восьмая поправка к Конституции США закрепляет запрет на назначение жестоких и необычных наказаний, но не устанавливает запрета на необходимые меры воздействия в период отбывания осужденным тюремного заключения, которое никак нельзя отнести к жестокому или необычному наказанию [sic!]. Как результат судебная практика ВС США показывает наличие минимального порога ограничений на злоупотребления, дискриминацию и притеснения в отношении заключенных. Так, заявления осужденных о ненадлежащем медицинском обслуживании, отсутствии защиты от насилия сокамерников, применении администрацией жестоких дисциплинарных мер и относительно иных тяжелых условиях содержания требуют доказательств в так называемом «преднамеренном безразличии» к здоровью или безопасности заключенных со стороны тюремного персонала и должны носить объективную оценку в своей «достаточной серьезности». В решении ВС США «Родс против Чепмена» («Rhodes v. Chapman») (решение от 15.06.1981) указывается, что содержание двух заключенных в одной камере может представлять собой причинение боли, но она не была излишней и бессмысленной, поэтому нет необходимости создавать «комфортабельные

тюрьмы... условия, которые нельзя назвать жестокими и необычными по современным стандартам, не являются неконституционными. В той степени, в какой такие условия являются ограничительными и даже суровыми, они являются частью наказания, которое преступники несут за свои преступления против общества». В свою очередь, в решении ВС США «Грэм против Флориды» («Graham v. Florida») (решение от 17.05.2010) (далее — «Грэм против Флориды») высшая судебная инстанция пришла к выводу, что несовершеннолетние преступники не могут быть приговорены к пожизненному заключению за преступления, не связанные с убийством, без права условно-досрочного освобождения. В решении отчетливо реализуется концепцию возмездия, поскольку закрепляется, что наказание «выражает свое осуждение совершенного преступления и направлено на восстановление морального дисбаланса, вызванного преступлением». В этой связи Нетанель Даган (Netanel Dagan) и Джулиан Робертс (Julian V. Roberts) подвергают критике практику пожизненного заключения без возможности условно-досрочного освобождения, отмечая, что именно в судебной системе США достаточно высокий удельный вес приговоров к пожизненному тюремному заключению, назначаемых за очень широкий круг преступлений и приобретающих карательный характер [10, p. 2–5, 8–13].

Европейское тюремное законодательство существенно контрастирует с американским относительно реализации пенитенциарной судебной доктрины. Так, Европейские пенитенциарные правила закрепляют, что заключение с лишением свободы само по себе является наказанием, и поэтому режим для осужденных заключенных не должен усугублять страдания, связанные с заключением (правило 102(2)). Данному положению в определенной степени корреспондируют идеи, заложенные в ст. 3, 5 и 8

Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция), на которые чаще всего ссылается ЕСПЧ в своих решениях. Например, в деле Хорошенко отмечается нарушение ст. 8 Конвенции и указывается, что «режимы, созданные для заключенных, отбывающих длительные сроки, должны быть нацелены на компенсацию воздействия, в результате которого происходит отчуждение заключенных от общества, положительным и упреждающим образом».

Можно с уверенностью утверждать, что ЕСПЧ, разделяя общие идеи «глобальной справедливости», постоянно наращивает аргументы в защиту основных прав человека, подвергнутого тюремному заключению. Обнаруживается так называемый преторианский характер деятельности высшей судебной инстанции Совета Европы, выражающийся в постепенном расширении влияния судебных решений на необходимость корректировки национального законодательства и практики его реализации. Не случайно В. И. Селиверстов пишет: «Применительно к стандартам Европы существует практика превращения норм рекомендаций в обязательные установления. И эта практика уже коснулась России» [1, с. 235]. Среди зарубежных исследователей также можно обнаружить мнение о расширении тенденции роста судебного контроля со стороны Совета Европы над национальными пенитенциарными системами и формами обращения с осужденными [6; 14, р. 78–90]. В частности, Гаэтан Кликенуа (Gaëtan Cliquennois) и Соня Снакен (Sonja Snacken), исследуя влияние решений ЕСПЧ на национальное пенитенциарное законодательство государств-членов Совета Европы, отмечают: «Судебные решения получили большое значение и влияние на формирование режима тюремных учреждений... заставили пересмотреть отношение к правам осужденных, легитимности принужде-

ния и внесли вклад в улучшение условий содержания, а также безопасности заключенных» [7, р. 9]. Так, если в деле ЕСПЧ «Дугоз против Греции» («Dougoz v. Greece») (жалоба № 40907/98, постановление 06.03.2001) отмечалось, что государство должно обеспечить, чтобы человек содержался под стражей в условиях, совместимых с его человеческим достоинством, чтобы способ и метод исполнения такой меры не причиняли ему страданий или лишений, а серьезное переполнение помещения и отсутствие условий для ночлега в сочетании с непомерным сроком содержания в подобных условиях равносильны унижающему достоинство обращению, противоречащему ст. 3 Конвенции. Однако в дальнейшем, как справедливо отмечает В. А. Уткин, «предметом разбирательства Европейского суда, в отличие от предыдущих дел, стали уже не “вопросы факта”, а “вопросы права”» [3, с. 27–28]. В частности, начинает реализовываться признание «права на надежду»: в деле ЕСПЧ «Винтер и другие против Великобритании» («Vinter and Others v. the United Kingdom») (жалобы № 66069/09, 130/10, 3896/10, постановление от 09.07.2013) закрепляется, что лица, отбывающие пожизненное тюремное заключение, всегда должны иметь право на освобождение и дальнейшую реабилитацию. При этом если национальное законодательство не закрепляет возможности пересмотра приговора по любым возможным основаниям в сторону смягчения правового положения заключенного, то пожизненное заключение расходится с требованиями ст. 3 Конвенции. В деле ЕСПЧ «Мюррей против Нидерландов» («Murray v. The Netherlands») (жалоба № 10511/10, постановление от 26.04.2016) делается вывод о том, что лица, отбывающие пожизненное тюремное заключение, «также должны быть допущены к участию в профессиональной или иной деятельно-

сти, которая может быть полезной для их реабилитации».

По мнению Мэри Роган (Mary Rogan), «политика и стандарты Совета Европы защищают так называемый редуционистский подход к тюремному заключению, которому следует ЕСПЧ... акцент в европейской уголовной политике является реабилитационным... реабилитация была и должна быть главной целью уголовной практики» [15, р. 326–327, 329]. При этом важнейшим принципом реинтеграции является нормализация, заключающийся в создании бытовых условий и закреплении элементов правового статуса осужденного, максимально приближенных к условиям жизни граждан за пределами пенитенциарного учреждения. Кроме того, такие меры распространяются на здравоохранение, образование, досуг и иные области жизнедеятельности, а также реализуются в создании в тюремных учреждениях доверительных и менее официальных взаимоотношений между заключенными и персоналом. Не случайно в скандинавских исправительных учреждениях при обращении с лицами, отбывающими тюремное заключение, зачастую используется понятие «клиент», а не определение «заключенный», что подчеркивает его вовлеченность в оказываемые услуги по ресоциализации и реинтеграции [18, р. 73, 79]. Видимо в том числе и по этим причинам в Концепции применительно к созданию учреждения объединенного типа используется категория «клиентоцентричный подход» (раздел VII).

Еще одним концептуальным контрастом пенитенциарной доктрины ЕСПЧ в сравнении с судебной практикой ВС США выступает основанное на ст. 10 и 14 Конвенции попытка расширения возможностей для реализации заключенными избирательных прав. Данное направление правозащитной деятельности, по мнению Джерарда Конвея (Gerard Conway), выступает «ответом на тоталитарные национальные правовые

системы» [8, р. 138]. Так, в деле «Херст против Соединенного Королевства» («Hirst v. United Kingdom») (жалоба № 74025/01, постановление от 06.10.2005) ЕСПЧ постановил, что полный запрет Соединенного Королевства на реализацию заключенными права политического голоса нарушает Протокол 1 ст. 3 Конвенции, попирает принцип всеобщего избирательного права и искажает идею минимальных прав человека в их прогрессивном развитии и эволюционном понимании. В свою очередь в достаточно известном деле ЕСПЧ «Анчугов и Гладков против России» («Anchugov and Gladkov v. Russia») (жалобы № 11157/04, № 15162/05, постановление от 04.07.2013) высшая судебная инстанция Совета Европы постановила, что нахождение осужденного в местах изоляции от общества не может рассматриваться как основание, предусмотренное ч. 3 ст. 32 Конституции Российской Федерации, для лишения его избирательных прав.

Итак, можно наблюдать, что прецедентное право ЕСПЧ связало возмездие с искуплением вины только при определении целей наказания и, соответственно, при вынесении приговора, тогда как ВС США ретрибутивное правосудие распространяет как на вынесение приговора, так и на его исполнение. Соответственно, реализация концепции искупления в европейской пенитенциарной доктрине, в отличие от американской, уходит за пределы назначения наказания и простирается на морально-нравственную сферу лица его отбывающего, захватывает, как отмечает Фергус МакНилл (Fergus McNeill), ресоциализацию осужденного и даже его реинтеграцию [13, р. 21–30]. Следовательно, если американская пенитенциарная доктрина предполагает в основном постоянное претерпевание заключенным тягот и лишений в условиях изоляции от общества, т. е. так называемый «пенитенциарный монолог», то европейская — учет

достигнутых осужденным лицом морально-нравственных личностных позитивных изменений как необходимого условия для улучшения его правового статуса и досрочного освобождения, т. е. так называемый «пенитенциарный диалог».

III. Специальные концептуальные контрасты.

Пенитенциарная доктрина ВС США оперирует категорией «утилитарная реабилитация», согласно которой, во-первых, заключенный не является равноправным участником реабилитационных мероприятий, поскольку их применение и содержание зависит от тюремной администрации и жертвы преступления, которые не склонны идти на диалог с преступником, во-вторых, эффективность реабилитации в условиях тюремного заключения ставится под сомнение. Так, в решении «Грэм против Флориды» ВС США отметил, что «концепция реабилитации неточна, а ее полезность и надлежащее применение еще только является предметом широкого круга исследований и обсуждений». В решении «Миллер против Алабамы» («*Miller v. Alabama*») (решение от 25.06.2012) ВС США указал, что «почти все, кто вовлечен в систему уголовного правосудия... теперь сомневаются в том, что реабилитация может быть результативна в условиях тюрьмы и теперь совершенно точно, что никто не может определить, реабилитирован ли уже заключенный или когда он будет реабилитирован».

В свою очередь ЕСПЧ рассматривает реабилитацию скорее как обязанность пенитенциарной системы государства, основанную на уважении человеческого достоинства и признании заключенного его гражданином. Такой подход зиждется на положении Европейских пенитенциарных правилах о том, что «жизнь в местах лишения свободы должна быть, насколько возможно, приближена к позитивным аспектам жизни в обществе...

содержание под стражей должно быть организовано таким образом, чтобы способствовать возвращению лиц, лишенных свободы, в общество». Более того, в некоторых европейских государствах (например, Германии, Испании, Бельгии, Италии) необходимость и социальная ценность тюремной реабилитации закреплена в Основном законе. В скандинавском типе пенитенциарных систем предусмотрены развитая система открытых (например, тюрьмы типа F в Швеции), переходных (полуоткрытых) и реабилитационных исправительных учреждений. Допустимо утверждать, что в европейской пенитенциарной доктрине реабилитация предполагает не только следование закону, но и повышение моральных качеств осужденного. В этой связи можно привести справедливое мнение Нетанеля Дагана (Netanel Dagan) о том, что тюремное учреждение «должна включать такие элементы, как моральная реформа, искупление вины и примирение с обществом. Реабилитация — это не просто техническое мероприятие; она также имеет важное моральное и экспрессивное измерение. Она не обязательно направлена только на снижение уровня преступности или на то, чтобы сделать правонарушителей лучшими людьми. Скорее, она стремится донести до преступника и общества в целом моральную неправоту, присущую действиям правонарушителя. Личная ответственность, соответствующий выбор и признание моральных последствий этого выбора являются важными целями, которые следует преследовать» [9, p. 644].

Таким образом, можно заключить, что в рамках пенитенциарной судебной доктрины для ВС США свойственна ретрибутивная риторика, отражающая возмездность, карательность практики исполнения наказания, утилитарную реабилитацию и «пенитенциарный диалог», тогда как для ЕСПЧ — консеквенциальная, предполагающая справедли-

вость, ресоциализацию, моральную реабилитацию и «пенитенциарный диалог».

Контрастирующий компаративистский анализ, проведенный в данной статье, поднимает ряд важных вопросов, касающихся перспектив дальнейшей реализации пенитенциарной судебной доктрины ВС США и ЕСПЧ, ее непосредственного и отдаленного учета либо даже влияния на вектор развития уголов-

но-исполнительной системы Российской Федерации в целом и практику исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в частности. Ответы на эти вопросы могут быть получены в процессе дальнейших теоретических и эмпирических исследований, которые, быстрее всего, должны обладать междисциплинарным и комплексным характером.

Литература

1. Селиверстов, В. И. Перспективы тюремного содержания осужденных в свете национальных интересов России, зарубежного опыта и международных стандартов // Вестник МГЛУ. Образование и педагогические науки. — 2018. — № 3. — С. 229–238.
2. Ужахов, А. С. О закреплении и реализации целей наказания в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве // Закон и право. — 2017. — № 10. — С. 73–76.
3. Уткин, В. А. Режим лишения свободы и правовой статус осужденных: между карой и безопасностью // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. — 2018. — № 4. — С. 26–29.
4. Шевелева, С. В., Можайкина, В. А. Принцип неотвратимости наказания в уголовно-исполнительном праве: от декларирования к возможности реализации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2021. — № 54. — С. 722–753.
5. Шеслер, А. В. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации об уголовных наказаниях // Вестник Кузбасского института. — 2015. — № 3. — С. 129–135.
6. Caputo, G., Ciuffoletti, S. Journey to Italy: The European and UN monitoring of Italian penal and prison policies // *Crime, Law & Social Change*. — 2018. — V. 70. — I. 1. — P. 19–35.
7. Cliquennois, G., Snacken, S. European and United Nations monitoring of penal and prison policies as a source of an inverted panopticon? // *Crime, Law and Social Change*. — 2018. — V. 70. — I. 1. — P. 1–18.
8. Conway, G. Prospects and problems for European legal cooperation concerning prisoners // *European Journal of Probation*. — 2018. — V. 10. — I. 2. — P. 136–159.
9. Dagan, N. The Janus face of imprisonment: Contrasting judicial conceptions of imprisonment purposes in the European Court of Human Rights and the Supreme Court of the United States // *Criminology & Criminal Justice*. — 2021. — V. 21. — I. 5. — P. 633–649.
10. Dagan, N., Roberts, J.V. Retributivism, Penal Censure, and Life Imprisonment without Parole // *Criminal Justice Ethics*. — 2019. — V. 38. — I. 1. — P. 1–18.
11. Kerr, L. How the prison is a black box in punishment theory // *University of Toronto Law Journal*. — 2019. — V. 69. — I. 1. — P. 85–116.
12. Liebling, A., Johnsen, B., Schmidt, B.E., Rokkan, T., Beyens, K., Boone, M., Cox, M., Vanhouche, An-S. Where Two ‘Exceptional’ Prison Cultures Meet: Negotiating Order in a Transnational Prison // *British Journal of Criminology*. — 2021. — V. 61. — I. 3. — P. 41–60.

13. McNeill, F. Four forms of ‘offender’ rehabilitation: Towards an interdisciplinary perspective // *Legal and Criminological Psychology*. — 2012. — V. 17. I. 1. — P. 18–36.
14. *Privatising Punishment in Europe?* / ed. Tom Daems, Tom Vander Beken. — London: Imprint Routledge, 2018. — 200 p.
15. Rogan, M. Discerning penal values and judicial decision making: The case of whole life sentencing in Europe and the United States of America // *Howard Journal of Crime & Justice*. — 2018. — V. 57. — I. 3. — P. 321-338.
16. Ryberg, J. Retributivism and the proportionality dilemma // *Ratio*. — 2021. — V. 34. — I. 2. — P. 158-166.
17. Sausdal, D., Lohne, K. Theatrics of transnational criminal justice: Ethnographies of penality in a global age: Introduction to the Special Issue // *Theoretical Criminology*. — 2021. — V. 25. — I. 3. — P. 361-378.
18. Schartmueller, D. Doing Indefinite Time: Penal Confinement and the Life-Imprisoned Offender in Denmark, Finland, and Sweden // *The Prison Journal*. — 2019. — V. 99. — I. 1. — P. 66-88.
19. Snacken, S. Punishment, legitimate policies and values: Penal moderation, dignity and human rights // *Punishment & Society*. — 2015. — V. 17. — I. 3. — P. 397-423.
20. *The Oxford Handbook of Criminal Law* / ed. M.D. Dubber, T. Hörnle. — Oxford: OUP, 2015. — 1200 p.
21. Tonry, M. Punishment and human dignity: Sentencing principles for Twenty-First-Century America // *Crime and Justice*. — 2018. — V. 47. — I. 1. — P. 119-157.

References

1. Seliverstov V. I. Perspektivy tyuremnogo sodержaniya osuzhdennykh v svete natsional'nykh interesov Rossii, zarubezhnogo opyta i mezhdunarodnykh standartov [Prospects of convicts’ imprisonment in relation to Russia’s national interests, European experience and international standards]. *Vestnik MGLU. Obrazovaniye i pedagogicheskiye nauki [MSLU Bulletin. Education and pedagogical sciences]*, 2018, no. 3, p. 229–238.
2. Uzhakhov A. S. O zakreplenii i realizatsii tseley nakazaniya v ugo-lovnom i ugolovno-ispolnitel'nom zakonodatel'stve [About Securing and Implementation Purposes of Punishment in the Criminal and Criminal-Executive Legislation]. *Zakon i pravo [Lex and Law]*, 2017, no. 10, p. 73–76.
3. Utkin V. A. Rezhim lisheniya svobody i pravovoy status osuzhden-nykh: mezhdru karoy i bezopasnost'yu [The Mode of Imprisonment and the Legal Status of the Sentenced: between Penalty and Safety]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravleniye [Penal-Executive system: law, economics, management]*, 2018, no. 4, p. 26–29.
4. Sheveleva S. V., Mozhaikina V. A. Printsip neotvratimosti nakazaniya v ugolovno-ispolnitel'nom prave: ot deklarirovaniya k vozmozhnosti realizatsii [The Principle of the Inevitability of Punishment in Penal Enforcement Law: from Declaration to the Possibility of Implementation]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki [Perm University Herald. Juridical Sciences]*, 2021, no. 54, p. 722–753.
5. Shesler A. V. Kontseptsiya ugolovno-pravovoy politiki Rossiyskoy Federatsii ob ugolovnykh nakazaniyakh [The Concept of Criminal Law Policy of the Russian Federation on Criminal Penalties]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta [Bulletin of the Kuzbass Institute]*, 2015, no. 3, p. 129–135.
6. Caputo G., Ciuffoletti S. Journey to Italy: The European and UN monitoring of Italian penal and prison policies. *Crime, Law & Social Change*, 2018, vol. 70, iss. 1, p. 19–35.

7. Cliquennois G., Snacken S. European and United Nations monitoring of penal and prison policies as a source of an inverted panopticon? *Crime, Law & Social Change*, 2018, vol. 70, 1, p. 1–18.
8. Conway G. Prospects and problems for European legal cooperation concerning prisoners. *European Journal of Probation*, 2018, vol. 10, iss. 2, p. 136–159.
9. Dagan N. The Janus face of imprisonment: Contrasting judicial conceptions of imprisonment purposes in the European Court of Human Rights and the Supreme Court of the United States. *Criminology & Criminal Justice*, 2021, vol. 21, iss. 5, p. 633–649.
10. Dagan N., Roberts J.V. Retributivism, Penal Censure, and Life Imprisonment without Parole. *Criminal Justice Ethics*, 2019, vol. 38, iss. 1, p. 1–18.
11. Kerr L. How the prison is a black box in punishment theory. *University of Toronto Law Journal*, 2019, vol. 69, iss. 1, p. 85–116.
12. Liebling A., Johnsen B., Schmidt B. E., Rokkan T., Beyens K., Boone M., Kox M., Vanhouche An-S. Where Two ‘Exceptional’ Prison Cultures Meet: Negotiating Order in a Transnational Prison. *British Journal of Criminology*, 2021, vol. 61, iss. 3, p. 41–60.
13. McNeill F. Four forms of ‘offender’ rehabilitation: Towards an inter-disciplinary perspective. *Legal and Criminological Psychology*, 2012, vol. 17, I. 1, p. 18–36.
14. Privatizing Punishment in Europe? / ed. Tom Daems, Tom Vander Beken. *London: Imprint Routledge*, 2018. 200 p.
15. Rogan M. Discerning penal values and judicial decision making: The case of whole life sentencing in Europe and the United States of America. *Howard Journal of Crime & Justice*, 2018, vol. 57, iss. 3, p. 321–338.
16. Ryberg J. Retributivism and the proportionality dilemma. *Ratio*, 2021, vol. 34, iss. 2, p. 158–166.
17. Sausdal D., Lohne K. Theatrics of transnational criminal justice: Ethnographies of penalty in a global age: Introduction to the Special Issue. *Theoretical Criminology*, 2021, vol. 25, iss. 3, p. 361–378.
18. Schartmueller D. Doing Indefinite Time: Penal Confinement and the Life-Imprisoned Offender in Denmark, Finland, and Sweden. *The Prison Journal*, 2019, vol. 99, iss. 1, p. 66–88.
19. Snacken S. Punishment, legitimate policies and values: Penal moderation, dignity and human rights. *Punishment & Society*, 2015, vol. 17, iss. 3, p. 397–423.
20. The Oxford Handbook of Criminal Law / ed. M.D. Dubber, T. Hörnle. *Oxford: OUP*, 2015. 1200 p.
21. Tonry M. Punishment and human dignity: Sentencing principles for Twenty-First-Century America. *Crime and Justice*, 2018, vol. 47, iss. 1, p. 119–157.

Сведения об авторе

Павел Владимирович Тепляшин: ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России (г. Новокузнецк, Российская Федерация), профессор кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии, доктор юридических наук, доцент.
E-mail: pavlushat@mail.ru

Information about the author

Pavel V. Teplyashin: Kuzbass Institute of the FPS of Russia (Novokuznetsk, Russia), professor of the Chair of Penal Law and Criminology, doctor of law, associate professor.
E-mail: pavlushat@mail.ru